

И. С. Тургенев († 1883 г.)
Воспоминания о Т. Г. Шевченко.*

Милостивый Государь!

Намереваясь издать полное собрание сочинений Т. Г. Шевченко, Вы желаете, чтобы я сообщил Вам несколько подробностей о нем. С охотой исполняю Ваше желание, хотя должен предупредить Вас, что я познакомился с народным поэтом Малороссии незадолго до его кончины и встречался с ним довольно редко.

Первое наше свидание произошло в Академии Художеств, вскоре после его возвращения в Петербург, зимой, в студии одного живописца, у которого Тарас Григорьевич намеревался поселиться. Я приехал в Академию вместе с Марьей Александровной Маркевич (Марко-Вовчок), которая незадолго перед тем тоже переселилась в нашу северную столицу и служила украшением и средоточием небольшой группы Малороссов, съютившейся тогда в Петербурге и восторгавшейся её произведениями: они приветствовали в них — также как и в стихотворениях Шевченка — литературное возрождение своего края. — В студии художника, куда мы прибыли с Г-жа Маркевич, уже находилась одна дама (тоже Малороссиянка по происхождению), которая также желала увидеть Тараса Григорьевича — Г-жа Кар-ская; в её доме, по вечерам, часто собиралась та группа, о которой я говорил; и Шевченко, познакомившись с Г-жей Кар-ской, стал посещать ее чуть не каждый день. Мы прождали около часу. Наконец явился Тарас Григорьевич — и разумеется, прежде чем кого-либо из нас, приветствовал Г-жу Маркевич: он уже встречался с ней, был искренно к ней привязан и высоко ценил её талант. — Широкоплечий, приземистый, коренастый, Шевченко являл весь облик козака, с заметными следами солдатской выправки и ломки. Голова остроконечная, почти лысая; высокий морщинистый лоб, широкий так называемый «утиный» нос, густые усы, закрывавшие губы; небольшие серые глаза, взгляд которых, большей-частью угрюмый и недоверчивый, изредка принимал выражение ласковое, почти нежное, сопровождаемое хорошей, доброй улыбкой; голос несколько хриплый, выговор чисто-русский, движения спокойные, походка степенная, фигура мешковатая и мало изящная. — Вот какими чертами запечатлелась у меня в памяти эта замечательная личность. С высокой бараньей шапкой на голове, в длинной темно-серой чуйке с воротником из

* **Источник: Споминки про Шевченка И. С. Тургенева. // Т. Г. Шевченко. Кобзарь з додатком споминок про Шевченка писателів Тургенева и Полонського. — У Празі: Nákladem knihkupectví dra Grégra a Ferd. Dattla, 1876. — С. III-VIII.**

черных мерлушек, Шевченко глядел истым Малороссом, хохломъ; оставшиеся после него портреты дают вообще верное о нем понятие.

Нам всем, тогдашним литераторам, хорошо было известно, какая злая судьба теготела над этим человекомъ; талант его привлекал нас своей оригинальностью и силой, хотя едва-ли кто-нибудь из нас признавал за ним то громадное, чуть не мировое значение, которое, не обинуясь, придавали ему находившиеся в Петербурге Малороссы; мы приняли его с дружеским участием, с искренним радушием. С своей стороны он держал себя осторожно, почти никогда не высказывался, ни с кем не сблизился вполне: все словно сторонкой пробирался. Он посетил меня несколько раз: но о своей изгнаннической жизни говорил мало; лишь по иным отрывочным словам и восклицаниям можно было понять как солоно она пришлась ему и какие он перенес испытания и невзгоды. Он мне показал крошечную книжечку, переплетенную в простой дегтярный товар, в которую он заносил свои стихотворения и которую прятал в голенище сапога, так как ему запрещено было заниматься писаниемъ; показал также свой дневник, веденный им на русском языке, что немало изумляло и даже несколько огорчало его соотчичей; рассказал свои комические отношения с двумя-тремя женами Киргизов, бродивших около места его заключения — и сознался в вынесенном им оттуда пристрастии к крепким напиткам, от которого он уже потом до самой смерти отвыкнуть не мог.

Собственно поэтический элемент в нем проявлялся редко: Шевченко производил скорее впечатление грубоватого, закаленного и обтерпевшегося человека с запасом горечи на дне души, трудно доступной чужому глазу, с непродолжительными просветами добродушия и вспышками веселости. Юмора, «жарта» — в нем не было вовсе. Только раз, помнится, он прочел при мне свое прекрасное стихотворение «Вечир» (Садок вишневий и. т. д.) — и прочел его просто, искренне; сам он был тронут и тронул всех слушателей: вся Южно-Русская задумчивость, мягкость и кротость, поэтическая струя бившая в нем, тут ясно выступила на поверхность.

Самолюбие в Шевченке было очень сильное и очень наивное в то же время: без этого самолюбия, без веры в свое призвание он неизбежно погиб бы в своем закаспийском изгнании; восторженное удивление соотчичей, окружавших его в Петербурге, усугубило в нем эту уверенность самородка поэта. Во время своего пребывания в Петербурге он додумался до того, что нешутя стал носиться с мыслью создать нечто новое, небывалое, ему одному возможное — а именно: поэму на таком языке, который был бы одинаково понятен Русскому и Малороссу; он даже принялся за эту поэму и читал мне

её начало. — Нечего говорить, что попытка Шевченка не удалась, и именно эти стихи его вышли самые слабые и вялые из всех написанных имъ: безцветное подражание Пушкину.

Читал Шевченко, я полагаю, очень мало, — (даже Гоголь был ему лишь поверхностно известенъ), а знал еще меньше того... но убеждения, запавшие ему в душу с ранних лет, были непоколебимо крепки. При всем самолюбию в нем была неподдельная скромность. Однажды, на мой вопросъ: какого автора мне следует читать, чтобы поскорее выучиться Малороссийскому языку? он с живостью отвечалъ: «Марко Вовчка! Он один владеет нашей речью!» — Вообще это была натура страстная, необузданная, сдавленная, но не сломанная судьбой, простолюдин, поэт и патриот. — У Г-жи Кар-ской находилась в услужении девушка Малороссиянка, по имени Лукерья; существо молодое, свежее, несколько грубое, не слишком красивое, но по своему привлекательное, с чудесными белокурыми волосами и той не то горделивой, не то спокойной осанкой, которая свойственна её племени. Шевченко влюбился в эту Лукерью и решился жениться на ней; Кар-ские сначала диву дались, но кончили тем, что признали ее невестой поэта и даже начали делать ей подарки и шить приданое; с своей стороны Шевченко усердно готовился к свадьбе, к новой жизни... Но Лукерья сама раздумала и отказала своему жениху. Её, вероятно, запугали уже немолодые лета Шевченка, его нетрезвость и крутой нравъ; а оценить высокую честь быть супругой народного поэта она не была в состоянии. Я несколько раз видел Шевченка после его размолвки с Лукерьей: он казался сильно раздраженным.

Оканчивая этот небольшой очерк, я припоминаю еще один факт из ссылочной жизни Шевченка, делающий честь тогдашнему главному начальнику Оренбургского края, В. А. Перовскому. Шевченко, как известно, был в молодости довольно замечательным пейзажистомъ; в крепости ему было запрещено, не только писать стихи, но и заниматься живописью. Какой то черезъ-чур исполнительный генерал, узнав, что Шевченко, несмотря на это запрещение, написал два-три эскиза, почел за долг донести об этом Перовскому в один из его приемных дней; но тот, грозно взглянув на усердного доносителя, значительным тоном промолвилъ: «Генерал, я на это ухо глухъ: потрудитесь повторить мне с д р у г о й стороны то, что Вы сказали!» — Генерал понял, в чем дело, и, перейдя к другому уху Перовского, сказал ему нечто, вовсе не касавшееся Шевченка.

Вспоминается мне также, что он, живя в Академии, занимался гравированием на меди посредством острой водки — о-форт — и

воображал, что открыл нечто новое, какой-то улучшенный способ в этом искусстве.

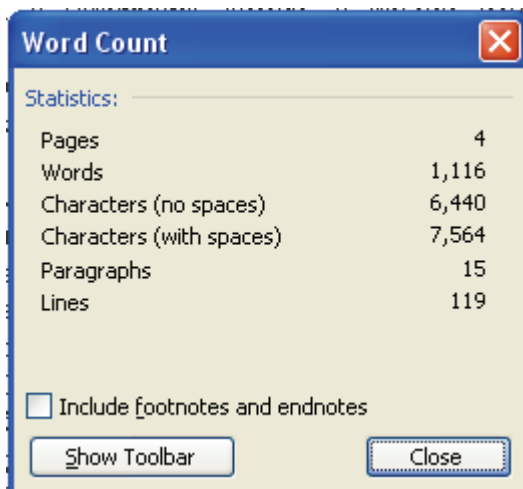
Вот все, что я имею сказать о нем.

Я чувствую сам, как малы и ничтожны эти сведения; но в числе прочих и оне могут принести свою относительную пользу.

Примите и т. д.

Ив. Тургенев.

Буживаль (возле Парижа.) 31/19 Октября 1875 г.

Original orthography – Characters (no spaces)	6,721
New orthography – Characters (no spaces)	6,440
Difference	281
% savings	4.2%